

Предисловие к первому израильскому изданию 1993 года¹

Личность Вольфа Мессинга до сих пор овеяна множеством загадок и тайн, слухов и сплетен.

Хотя его выступления были разрешены в СССР и собирали огромные залы, «феномен Мессинга» не укладывался в прокрустово ложе воинствующего материализма, а советский научный официоз предпочитал не изучать «магию мозга» великого телепата, но «разоблачать его фокусы» и писать на него доносы.

Современная наука не приемлет так называемых экстрасенсов или паранормов, считая всех их шарлатанами. Действительно, на человеческой жажде чуда охотно паразитируют разного рода «целители», «маги» и прочие мошенники. Однако для любого непредвзятого человека очевидно, что Вольф Мессинг — не из их числа.

Сам он всю жизнь пытался понять природу своего дара, поэтому всегда охотно шел на контакт с исследователями. Он показывал свои «психологические опыты» перед самыми авторитетными комиссиями, читал мысли, передвигал предметы энергией мозга, предсказывал будущее — но ему отказывались верить. Были проведены десятки опытов, подтвердивших наличие у него паранормальных способностей, но объяснить природу его дарования ученые так и не смогли.

В данном издании впервые публикуются уникальные материалы, проливающие свет на многочисленные научные исследова-

¹ Книга выходила в 1993 году в Израиле на иврите под названием חומה לש מסקה в издательстве מוסרפ עדין דעם (Примечание русского редактора).

ния и эксперименты с участием Вольфа Мессинга, а также его личная переписка и дневниковые записи, в которых он пытается осмыслить, чем был его феноменальный дар: благословением или проклятием? Особый интерес представляют отчеты «личного телепата Сталина» о встречах с «кремлевским горцем» и секретные документы НКВД и КГБ, которые неоднократно инициировали научную проверку «сверхъестественных способностей» Мессинга, чтобы использовать его «магию» в своих целях.

Вероятно, некоторые читатели будут возмущены самим фактом сотрудничества Мессинга с советскими спецслужбами. Однако не следует забывать, что он работал на Сталина и Берию в разгар борьбы Союзников против нацизма и, судя по документам, не запятнал себя соучастием в сталинских репрессиях.

Мы получили эти материалы в конце 1991 года, сразу после краха Советского Союза, когда с нами связался сотрудник госбезопасности СССР, представившийся майором КГБ Кузнецовым (не вызывает сомнений, что имя и звание были вымышленными). Он предложил нашему издательству приобрести «секретное досье Мессинга», которое советские спецслужбы вели с 1930-х годов, — отчеты наблюдателей, протоколы исследований, перлюстрированная личная переписка. По словам «майора Кузнецова», досье насчитывало несколько тысяч документов, однако он передал нам для проверки лишь небольшую его часть. Мы привлекли для экспертизы сотрудников «Шабак» и «Мамад»¹, которые не обнаружили в представленных документах явных ошибок — стиль изложения (канцелярский язык), оформление «шапок», сорт бумаги и чернил, шрифт пишущих машинок, металл канцелярских скрепок и т.п. соответствовали имеющимся в распоряжении экспертов образцам. Графологический анализ личных записей Мессинга из этого досье также с высокой долей вероятности подтвердил их подлинность — они были сверены с его собственноручными

¹ «Шабак» — контрразведка, «Мамад» — Центр политических исследований Министерства иностранных дел (*Примечание русского редактора*).

письмами, вывезенными при эмиграции из СССР его знакомой Татьяной Лунгиной.

В результате продолжительных исследований эксперты пришли к выводу, что даже если переданные «майором Кузнецовым» бумаги являются подделкой, то подделкой, выполненной на государственном уровне. Смысл такой подделки непонятен — ее стоимость на порядок превышала сумму, которую могло бы заплатить любое издательство.

Гораздо вероятнее, что в руки к нам попали подлинные документы. Каким образом они оказались у «Кузнецова», мы уже вряд ли узнаем — после короткого телефонного разговора в январе 1992 года (мы попросили дать нам еще немного времени на завершение экспертизы) «офицер КГБ» перестал выходить на связь. Что с ним случилось, выяснить не удалось. Выждав более года и окончательно убедившись в его исчезновении, мы приняли решение обнародовать имеющиеся документы.

Документ 1

Из письма В. Мессинга профессору Ф. Абелю¹ (лето 1920 года):

«Я умру через 54 года 5 мес. и 18 дней. Моя смерть наступит в 11 часов вечера.

«Ну, ты и влип, Велвеле!»² — сказал я себе.

Представьте, герр Абель, что подобное вдруг станет известно вам — что бы вы почувствовали тогда? Вот и я был в шоке...

А произошло все, как обычно, как уже бывало со мной.

Часа за два до рассвета я проснулся и долго не мог уснуть, а потом вся казарма, весь мир словно канули во тьму, пропали.

Было такое впечатление, будто я остался один в черной, гулкой пустоте.

И вот тогда мне было явлено будущее. Слово единственный зритель в безлюдном синематографе, я пялился на экран, вот только показывали не фильму, а мою жизнь.

Когда я очнулся, сердце громко стучало, а лицо было липким от пота. Приподнявшись с постели, я рухнул обратно на койку — изнемог совершенно, словно весь божий день вкалывал, не приседая.

Страх, дикий страх накатил — и оставил меня. Я даже захихикал, как дурачок. (Нервное)

Чего мне бояться? Что помру полвека спустя? А я разве бессмертен? Или не знал, что люди имеют обыкновение стариться, частенько недотягивая и до седьмого десятка?

¹ Профессор Франц Абель (1867–1934), известный берлинский психолог и психиатр, первым взялся изучать феномен В. Мессинга и способствовал становлению Вольфа Григорьевича как артиста (*Примечание израильского редактора*).

² Настоящее имя Мессинга — Велвел («волчонок», в переводе с идиш). Велвеле — уменьшительное от Велвел (*Примечание израильского редактора*).

Как говорила моя бабушка Рейзл: «Человек рождается от матери, а помирает сам».

Да наоборот, я радоваться должен столь долгому сроку!

Значит, я не скончаюсь от рака в тридцать с небольшим, как наш сосед Янек, меня не убьют, не переедет машина. Я тихо отойду в мир иной.

И, быть может, смерть — вовсе не конец, а начало?

Вот, вы как-то спрашивали, верю ли я в Бога?

Честно скажу: я не верю в Иегову, Саваофа или Аллаха — это все убогие образы Создателя, возникавшие в воспаленных мозгах кочевников, наивные потуги познать божественную сущность по людскому подобию.

Я просто знаю, что Он есть.

Господь. Творец. Вседержитель.

И он вовсе не таков, каким малюют его на иконах или на полотнах — Бог непознаваем и непредставим. И не дано человеку понять Его, как нельзя узреть всю Землю разом, стоя на карачках посреди огородных грядок. Копошиться в навозе и прахе — вот наш удел.

Помнится, вы настаивали на том, чтобы я вел дневник — дескать, любая малость может помочь в исследовании «такого феномена, как В. Мессинг».

Я и вправду начал писать записки, хоть и урывками — это послание к вам, герр профессор, по сути, первая страница моего дневника. Я ее только обработал немного, чтобы зря не морочить себе голову...

А знаете, на чем я себя поймал, описывая свое не святое житие?

Что не просто веду дневник, а подыскиваю нужные слова, стараюсь повествовать искуснее, словно сочиняю рассказ о Велвеле из Гуры¹ на потеху толпе.

И в этом, герр Абель, весь я — хилый, тощий, нескладный, близорукий.

¹ В. Мессинг родился в Гура-Кальварии Варшавской губернии.

Если я слышу хохот за спиной, то деревенею, принимая насмешку на свой счет. Мучительно боюсь сильных и наглых, а если и даю сдачи, то лишь в мечтах.

И есть только одно, что отличает меня от других и возвышает над ближними — та скрытая сила, что бродит во мне, иногда пугая и даже доводя до слез. Но и утешая в то же время, придавая значимости моей, в принципе, никчемной жизни. Даже составляя предмет тайной гордости «такого феномена, как В. Мессинг».

Я ощущаю свой дар, как святониспосланную благодать, хотя, наверное, любая способность, выходящая за рамки среднестатистического явления, несет в себе и благое, и дурное.

Я могу читать мысли и даже видеть будущее, могу внушить то, чего нет, вот только не стану от этого ни полубогом, ни полудьяволом.

Человек ведь не меняется, обретая некие способности. Он остается тем же серым и трусливо вождедеющим существом, каким и был.

В теории, сила, коей я обладаю, способна приблизить меня к скромному могуществу.

Разве не могу я внушить девушке любовь и страсть, чтобы она с радостью и желанием отдалась мне? Могу.

Вот только будет это не чем иным, как изнасилованием.

Могу заставить ростовщика отдать мне чемодан с деньгами. Это будет воровство.

А я не хочу быть ни вором, ни насильником. Тешить беса — против моих правил. Я сам провел черту дозволенного, и никогда не переступлю ее. Аминь».

Документ 2

*Письмо В. Мессинга Лее Гойзман¹
Польша, Лодзь, 19 августа 1925 г.*

«Дорогая Лея!

У тебя замечательная подруга. Если бы не Фейга, я бы не получил ни одной из тех милых записочек, которые перечитываю снова и снова, подношу к лицу, закрываю глаза, вбирая нежный аромат твоих духов, и чудится мне, что ты рядом.

До сих пор во мне живо первое, самое свежее впечатление, когда я увидел тебя. Весь мир тогда будто погрузился в цветной туман.

Мысли о том, что я влюбился, в тот самый день не мелькали — во мне жило опасение. Вдруг я ошибаюсь?

Как, вообще, люди распознают любовь? Ведь это чувство никак не объяснишь, не выразишь словами. Вон, сколько веков подряд изощряются поэты — перебрали все выражения и метафоры, а истины так и не ведают никто.

Не знаю, может, то, что я чувствую, и не любовь вовсе, но во мне впервые в жизни растет и укрепляется убеждение, желание — я хочу, я должен, мне очень нужно быть вместе с тобой.

Рядом, держась за руки. Хотя бы...

¹ Лея Гойзман — первая любовь В. Мессинга, дочь текстильного фабриканта из Лодзи. Молодой Вольф встретил эту девушку летом 1925 года. Затем, после гастрелей по Бразилии и Аргентине, уже в феврале 1926 года сделал ей предложение. Лея была согласна, но ее отец был резко против и выдал девушку замуж за сына своего партнера из Белостока (*Примечание израильского редактора*).

Я помню все наши встречи, то и дело прокручиваю в памяти, как ты улыбалась, что говорила, на что очень мило сердилась.

Вспоминаю и улыбаюсь, ловя себя на умилении.

До того дня, когда увидел тебя, я даже не подозревал, что могу быть настолько сентиментальным. И нежным.

Да и как еще, если ты — сама нежность? И прелесть...

Все-таки удивительная штука — жизнь! Еще в июле я даже не подозревал, что в мире живет такая девушка, как Лея, а теперь точно знаю, что никогда ее не забуду.

А уж то, что и ты сказала мне главные слова, наполняет меня счастьем, ради которого и стоит жить.

Но что-то я поддался амурному настрою поэтов и сам ударился в плетение романтических словес. Между тем, Лея — весьма практичная девушка, разумная, прехорошенькая, и вообще — красавица...

Ага, опять меня занесло. Стоит мне подумать о тебе, как сразу меняется поток моих мыслей, начинает кружить вокруг любимого имени.

Ты вот спрашиваешь, как я угадываю мысли? А я их не угадываю, я их как бы слышу. Они вроде как звучат у меня в голове.

Когда человек-индуктор находится далеко, я воспринимаю его мысли, как неясное бормотание, будто голос за стеной — слышно, но непонятно. Но вот он приближается, мысли его делаются четче, разборчивей, внятней.

Хотя, если честно, поражает тот хаос, который творится в человеческих головах. Когда я беру мысль, это вовсе не значит, что я слышу этакое чтеца-декламатора, отнюдь нет. Разрывчатые, прерывистые мыслеформы скачут, появляются и исчезают, наслаиваются друг на друга.

Человек все время испытывает эмоции, и они постоянно баламутят поток сознания. А когда я стою на сцене, то в голове у меня звучит целый хор, причем все говорят вразнобой, и в этой каше очень трудно сориентироваться, отстроиться от толпы, сосредоточившись на каком-нибудь одном человеке.

В этом здорово помогает телесный контакт — берешь человека за руку, и все прочие думки, со всего зала, будто отдаляются, становятся глухим фоном.

Милая Лея! Ей-богу, ты совершенно зря завидуешь мне и моим «чудесным» способностям.

«Магия моего мозга», как ты выразилась, совершенно не способна на истинное чудо. Например, чтобы любимая девушка ответила мне взаимностью. Но чудо это было-таки явлено!

Стыдно признаться, но я даже побаиваюсь иногда своего мозга, ибо не знаю, на что он способен, на какие еще выверты. Воистину, дар мой — благословение Господа, хотя иногда я сильно устаю от «магии» и начинаю мечтать о том, чтобы быть, как все.

Трудиться, приходиться с работы домой, к любимой женочке (ее зовут Лея), ужинать вместе или приглашать гостей, пропускать по стаканчику с друзьями, болтать, шутить, смеяться, хвастаться отметками сына и новым платьем дочери...

Это — счастье! И я верю, что оно не минет нас, а мой потаенный дар... Он нам пригодится в хозяйстве! Верно?

Знаешь, бывает так, что человек женится на красавице, а после бросает ее и уходит к женщине, не могущей похвастаться интересной внешностью. Почему так происходит, никто не ведает. Мы сами не знаем себя, полагая, что взлелеянные нами желания действительно искренние, но как часто оказывается, что человек не имеет ни малейшего понятия о том, чего он хочет на самом деле.

Можно легко убедить себя, что желаешь добра, а потом ты будешь потрясен, открыв в себе иное — радость и удовольствие от того, что творишь зло.

И только одному мне несказанно повезло — я встретил девушку, желания которой совпадают с моими собственными. Правда?

Увидимся завтра в парке? Я буду ждать тебя у нашего дуба.

Люблю. Целую.

Твой Вольф».

Документ 3

Из записок В. Мессинга¹:

«...В санитарной части объявились три солдата и поручик. Приказали мне собираться — и на выход. Грубо так вздернули за шиворот да пинка отвесили — шевелись, жидовня!

А я не понимал — за что? Куда это меня, да под конвоем?

Суетливо хватая пожитки, я прокручивал в уме всякие варианты — ничего не сходилось. Кроме одной, самой непротиворечивой версии: санитар Мессинга приняли за советского шпиона!

Когда меня доставили на вокзал и наподдали прикладом, «подсаживая» в вагон, я почти убедился в верности своей догадки: мы направлялись в Варшаву.

Разумеется! Ведь именно там, на Саксонской площади, стоит Генеральный штаб, а в его недрах прячется «дефензива»².

Мое видение будущего никак не разнилось с этой версией, разве что вселяло надежду — меня не расстреляют. Может быть...

Ведь судьбу не изменишь до тех самых пор, пока она остается неведомой тебе. Как обманешь рок?

Начнешь вести себя «непредсказуемо»? Изменишь своим привычкам? Выберешь для прогулок другие улицы? А откуда тебе знать, что сказано в Книге Судеб? Может, как раз твои «непредсказуемые» фортели и описаны на ее желтых пергаментных страницах?

¹ Записки датируются 1920 годом (*Примечание израильского редактора*).

² Контрразведывательное отделение «двуйки» — Второго отдела Генштаба Войска Польского, занятого военной разведкой (*Примечание израильского редактора*).

Но, как только становится известно, что тебе суждено, ты легко обретаешь редчайший, небывалый шанс объегорить судьбину, выбрать иную долю. Однако выбор этот скрывает в себе не только вероятное добро, но и зло — уберечьшись от уготованной тебе беды, ты сам накликаешь на себя иное несчастье. Ирония судьбы!

С варшавского вокзала меня отконвоировали в Генштаб, чего я и боялся, где передали какому-то полковнику. Полковник назвался Эугениушем Скшиньским, расточал любезные улыбки и даже велел накормить меня, что было очень кстати — в вагоне я грыз галеты, твердые, как кость, да запивал их горячей водой, убеждая желудок, что он имеет дело с душистым чаем.

Настроение у меня поднялось, а час спустя, когда мою персону доставили в Бельведерский дворец, я и вовсе повеселел. До меня, наконец, дошло, по какой такой надобности я потребовался в Варшаве. Меня хотел видеть Пилсудский!

Надо полагать, «начальнику государства» нужен был не двадцатилетний санитар, а «польский Калиостро» — хоть мои выступления в берлинском паноптикуме и в цирке Буша не принесли мне мировой славы, но интерес у «почтенной публики» возбудили-таки.

Ожидая «аудиенции» в огромной приемной, я не волновался. Успокоился. Смерть мне грозить перестала, а уж маршала я как-нибудь распотешу.

Признаться, я поражался, до чего же изворотливо оказалось шляхетское чванство — поляки пели осанну «Первому Маршалу Польши, Создателю возрожденного польского государства, Воскресителю Войска Польского, Великому Вождю и Воспитателю народа!»

Да, так и писали газеты, захлебываясь от верноподданнических чувств. «Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Маршал Юзеф Пилсудский — любовь и гордость народа!»

И вот он передо мною, «Великий Вождь» — меня провели в большой кабинет, где за столом сидели два длинноносых генерала, незаметный человек в штатском и он, маршал Юзеф Пилсудский.

В обычной своей серой куртке стрелка и серо-голубой фуражке-мацеювке, с пышными черными усами и тяжелым взглядом из-под насупленных бровей, маршал больше всего напомнил нашего соседа в Гуре, арендатора Здзислава. Тот такой же был — крепкий, основательный и властный.

Взгляд у Пилсудского был не просто тяжел. Он, чудилось, гнул и ломал, подавляя волю. Смотреть маршалу прямо в глаза было трудно, но я смог.

Видимо, ему это понравилось — в выражении маршальского лица я прочел одобрение.

— Я слышал о вас от Витольда, — сказал Пилсудский и сделал небрежный жест рукой, — это дипломат¹. Он был на вашем концерте в Варшаве. Вам удалось удивить Витольда, а это, скажу я вам, непросто. Вы читали мысли... Как вы это делаете?

— Не знаю, — честно признался я. — Представьте себе страну слепых, куда попадает обыкновенный зрячий. «Как вы можете видеть предметы, не пощупав руками?» — спрашивают слепцы. «Да я просто вижу их!»

— А что значит «вижу»?

— Хотел бы я знать...

— Ну, это ничего, — добродушно пробурчал Пилсудский. — В отличие от Витольда, не я хожу на ваше выступление, пан Мессинг, а вы пришли ко мне. Хотя найти вас было нелегко, вы хорошо спрятались! — устроившись поудобнее, он продолжил: — У меня пропал серебряный портсигар, но не в цене дело — он дорог мне, как память. Найдете его?

¹ Витольд Йорко-Наркевич (1864—1924) — польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920—1921 годах исполнял обязанности польского посла в Стамбуле (*Примечание израильского редактора*).

Я глубоко вздохнул. Обычно, когда человек, которого я жду, или любой прохожий, еще далеко, но приближается ко мне, я слышу... Нет, не так. Я каким-то образом ощущаю его мысли, они становятся слышны мне как бы в голове — о, это очень трудно описать, а объяснить еще труднее.

Сначала мысль воспринимается как неразборчивое бормотание, но чем ближе человек, тем яснее его «голос».

Но когда я иду в толпе или стою на сцене перед переполненным залом, мысли сотен людей путаются друг с другом, мешаясь в прерывистый гул, вычленив из которого одну отдельную телепатему очень и очень трудно.

Иногда мне это удается, помогает настрой и сосредоточение, но легче всего просто взять человека за руку — телесный контакт как бы замыкает этого зрителя на меня.

В кабинете сидело всего четверо, но я здорово устал, разнервничался — как тут сконцентрируешься? А просто так подойти к маршалу и шляхтичу, да взять его за руку?

Еврей-санитар в мятой форме лапает Великого Вождя!

Да еще через стол... Я внутренне содрогнулся.

И вспомнил почему-то доброго, хоть и настырного профессора Абеля, которому я был обязан тем, что стал выступать с «психологическими опытами».

Абель, как и всякий немец, был материалистом. Он с ходу отверг мои идеи о психодинамическом поле мозга, назвав их завиральными и дилетантскими. «Энергия мозга вытягивает едва на 12 вольт, о каком поле может идти речь?» — горячился он.

Я не спорил с ним и кротко соглашался.

«Это не чтение мыслей, — уверял меня Абель, — а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, тобою легко воспринимаются, Вольф. Да, ты часто выполняешь мысленные задания без непосредственного контакта

с индуктором. Здесь указателем тебе может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки...»

Я только кивал, словно китайский болванчик. Да, конечно, наблюдательность — это важно. Зачем зря «расходовать нерв», когда румянец на щеках, испуг или невольное движение «дают подсказку»?

Вот и генералы, составившие компанию Пилсудскому, позволили мне «прочесть их мускулы» — каждый из них хоть раз, да глянул влево. Там висела портьера, задерживавшая высокое окно.

Я молча прогулялся к окну и отдернул портьеру.

— Вот ваша пропажа, пан маршал, — сказал я, передавая Пилсудскому тяжелый портсигар с гравировкой.

Маршал хмыкнул только, убирая «пропажу» в карман.

— Говорят, вы и будущее прозреваете, пан Мессинг? — сощурился он.

— Иногда, пан маршал, — сдержанно ответил я, догадываясь, какой вопрос последует.

Шла война с Советской Россией, и поляки то переходили в наступление, то поспешно отступали.

Пилсудский носился с идеей Междуморья, рыхлой конфедерации Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и Финляндии. По сути, это была все та же старая мечта о Речи Посполитой, раскинувшейся «от моря до моря», поэтому-то сей проект был встречен весьма кисло всеми, кроме поляков.

А вот у Ленина размах был куда большим — Земшарная Республика Советов! Он потому и немцам полстраны отдал с легкостью — знал, что скоро Красная Армия перейдет в наступление и вернет не только Украину с Прибалтикой, но и Польшу. И в Берлине зареет красный флаг, и в Париже, и в Лондоне...

Конники Буденного и красноармейцы Тухачевского шли в бой с одним залихватским девизом: «Даешь Европу!»

Это был сильный противник, однако польские генералы относились к командарму с презрением: дескать, что нам какой-то бывший поручик, вылезший в «красные маршалы»!

— Чем закончится война с Советами? — прямо спросил Пилсудский.

— Войско Польское скоро победит, — ответил я осторожно, — но до этого полякам придется отступить чуть ли не до самой Варшавы¹. Тухачевский, хоть и допустит грубейшую тактическую ошибку, очень опасен².

— Это мальчишка! — фыркнул один из генералов. — Поручик! Он всю войну просидел в плену у немцев! Откуда ему было набраться опыта?

— Тухачевскому ни за что не удастся выбить наши полки из Киева! — надул щеки другой.

Я сдержался и промолчал, хотя обида жгла меня — оба чина смотрели на меня с глумливыми усмешками, и даже не телепату были ясны мысли этой парочки в генеральских погонах — дескать, жиденок-шарлатан случайно нашел портсигар, а теперь дурит нам головы всяким вздором.

Тогда я ощутил некую внутреннюю щекотку — мне до боли, до содроганья захотелось совершить маленькую месть и проучить генералов, отстегать их за глупый гонор и заносчивость.

Я был раздражен, да что там — взбешен. Обычно сильные эмоции мешают мне сосредоточиться, но холодная ярость, напротив, удесятерит мою силу.

Хватило нескольких секунд.

¹ Варшавская битва 13–25 августа 1920 г., известная также как «Чудо на Висле» — одно из ключевых сражений Советско-польской войны 1919–1921 гг., в котором польские войска под командованием Ю. Пилсудского смогли остановить наступление Красной армии, совершив тем самым перелом в ходе войны. В результате Польша сохранила независимость (*Примечание израильского редактора*).

² Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. В описываемый период командовал войсками Красной Армии, наступающими на Варшаву (*Примечание израильского редактора*).